

42461

12-161
2412
СЪ ЗАГРАНИЧНАГО ИЗДАНИЯ.

НИКОЛАЙ II

ПОСЛѢДНІЙ САМОДЕРЖЕЦЪ.

О Ч Е Р К И
ИЗЪ ЖИЗНИ И ЦАРСТВОВАНІЯ.

Выпускъ I

Цѣна ⁷⁵50 коп.

П Е Т Р О Г Р А Д Ъ.

1917.

СЕРБИЯ
БИБЛИОТЕКА
БЕОГРАДЪ

Въ концѣ 1913 года заграницей была издана на русскомъ языкѣ книга подъ заглавіемъ:

„Послѣдній Самодержецъ“.

Въ книгѣ этой самымъ тщательнымъ образомъ были собраны всѣ матеріалы и документы, имѣющіе отношеніе къ исторіи царствованія Николая II.

Помимо исчерпывающей картины личной семейной жизни послѣдняго самодержца и его окружающихъ, книга эта даетъ яркое представленіе о той катастрофѣ, къ которой велъ Россію Николай II и его правительства.

Авторъ книги въ заключительной главѣ ея приходитъ къ неизбѣжному логическому выводу, что „Николай II своей политикой ведетъ Россію къ пропасти. Но въ эту пропасть упадетъ онъ—Николай II и вмѣстѣ съ нимъ рухнетъ навсегда самодержавіе. Россія же, сбросивъ съ себя иго самодержавія и Романовыхъ, выйдетъ на путь свободы и счастья“.

Книга эта была издана въ 1913 году. Сейчасъ въ наши дни это звучитъ великимъ пророчествомъ.

Вышла она въ свѣтъ въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ.

Черезъ нѣкоторое время послѣ появленія она исчезла съ книжнаго рынка. По достовѣрнымъ свѣдѣніямъ бывшее министерство императорскаго двора приняло тогда срочныя мѣры къ изъятію ея изъ продажи. Старанія эти увѣнчались успѣхомъ: пророческая книга исчезла.

Нынѣ мы имѣемъ возможность, пользуясь подлинникомъ этой сенсаціонной книги, предложить ее вниманію русскаго читателя.

НВ. Книжнымъ магазинамъ и продавцамъ
обычная скидка.

ОТД. 1.
СОЧИНЕНИЯ
ГЛАВН. БИБЛИОТЕКИ.

№ 42461

ПРОВЕРЕНО 48 1-1

24/47

СЪ ЗАГРАНИЧНАГО ИЗДАНІЯ.

НИКОЛАЙ II

ПОСЛѢДНІЙ САМОДЕРЖЕЦЪ.

ОЧЕРКИ ИЗЪ ЖИЗНИ И ЦАРСТВОВАНІЯ.

ВЫПУСКЪ I.

Петроградъ.
Типографія журн. „Спортъ и Фавориты“. Николаевская, № 66
1917.

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

ANNALES

DE L'ÉCOLE NORMALE SUPÉRIEURE

DE LA SCIENCE ET DE LA LITTÉRATURE

PARIS

Двадцатый вѣкъ принесъ съ собою крушеніе послѣднихъ оплотовъ деспотизма, прикрывающагося легендой божественнаго происхожденія власти; одна за другой измѣнили свой государственный строй три имперіи Востока: Россія, Персія и Турція. Медлительный Китай, упреждая волненія, обычно сопровождающія этотъ неизбѣжный историческій процессъ, возвѣстилъ введеніе конституціи на 1914 годъ.

Такимъ образомъ, если не считать немногихъ маленькихъ государствъ Азіи и Африки, ничтожныхъ, некультурныхъ и являющихся, въ сущности, игральными картами въ рукахъ великихъ державъ, абсолютизмъ исчезаетъ съ лица земного шара, уступая мѣсто самодѣятельности освобожденныхъ народовъ. Но уже извѣстные историческіе прецеденты указываютъ на чрезвычайную сложность этого процесса. Даже въ условіяхъ XVIII и XIX столѣтій, протекая, притомъ, въ болѣе однородныхъ, чѣмъ у насъ, средахъ, революціи все же сопровождались кровавыми эксцессами и періодами реставрацій стараго режима. Можно сказать, что и теперь еще не завершенъ большинствомъ государствъ европейскаго континента тяжкій переходъ отъ рабства къ свободѣ, и что міръ несомнѣнно будетъ свидѣтелемъ грандіозныхъ политическихъ и соціальныхъ катаклизмовъ, предвѣстниковъ коихъ можно по справедливости назвать великую русскую революцію.

Расположенная между культурнымъ Западомъ и азіатскимъ Востокомъ, имперія русскихъ самодержцевъ складывала свою исторію не по установившемуся для Европы шаблону. Роль буфера, отдѣлявшаго двѣ различныхъ по духу цивилизаціи, неминуемо обрекала Россію на рядъ колебаній, ставшихъ съ теченіемъ времени отличительной чертой и политики ея правительства.

Въ то же время, необходимость укрѣпленія славянской стѣны на границѣ желтаго міра диктовала Европѣ, занятой своими дѣлами, пассивную роль во все время мобилизаціи земель и національностей по обѣ стороны Уральскаго хребта, и это обстоятельство сказалось самымъ печальнымъ образомъ на дальнѣйшихъ судьбахъ русскаго народа и его царей. Огромные размѣры и разнородный племенной составъ государства создавали собѣтствующую величину и нестройность его власти, не давали отстояться океану людей, лишенныхъ внутренней связи и взаимности интересовъ, поощряли безконтрольность и произволъ боярщины, незамѣтно выродившейся въ чиновничество. Въ короткое время язва эта безъ остатка покрыла поверхность государственнаго организма, парализовала его ростъ, остановила движеніе, разѣла нервную систему, разложила мозгъ.

Цари, нѣкогда вершившіе судьбы своего народа личной политикой, теряли, мало по малу, всякое вліяніе на ходъ управленія, и наше поколѣніе застало эпоху полнѣйшаго порабощенія ихъ всемогущимъ бюрократизмомъ.

Не нужно было ни проницательности, ни знаній, чтобы сознать ненормальность такого положенія вещей и предсказать его естественный конецъ—революцію. Ибо параллельно съ ростомъ показнаго величія абсолютизма росло и его внутреннее разложеніе, причемъ любой внѣшній толчекъ могъ разрушить импониравшую простымъ душамъ оболочку, обнаруживъ разъ навсегда гнилую сердцевину этого перваго устоя неограниченной власти. Несомнѣнно также, что приближеніе катастрофы ощущалось наверху правленія еще отчетливѣе, нежели въ глубинахъ жизни, и придавало умиравшему чудищу полицейскаго строя то мужество отчаянія, которое толкаетъ на самыя рѣшительныя, самыя неожиданныя дѣйствія. Чувствуя, что подъ страхомъ смерти нельзя выпускать изъ рукъ традиціоннаго щита — самодержавія, чиновничество роковымъ образомъ должно было отдавать главное время подновленію и позолотѣ ветшавшихъ традицій,

возвышенію личности монарха. Не считаясь, однако, съ этой бесполезной работой, жизнь народа прокладывала свое русло далеко въ сторонѣ отъ всякихъ фантомовъ, стремясь къ сліянію съ общемировымъ потокомъ, незамѣтно для самой себя стачивая скалу, на которой продолжали покоиться, съ дѣланной самоувѣренностью, правительство, царь и неотстававшіе отъ нихъ немногочисленные развращенные подачками и привилегіями классы помѣстнаго дворянства и высшаго духовенства. Постепенно, впрочемъ, рѣдѣли ряды союзниковъ, пока не остался вверху снова почти одинокій царь. Для своего спасенія бюрократизмъ охотно пожертвовалъ бы и имъ, но, издавна отождествивъ себя съ автократизмомъ, сдѣлать этого послѣдняго предательства уже не можетъ. Въ свою очередь, и Николай II не остановился бы, вѣроятно, передъ отреченіемъ отъ чиновничества, если бы могъ надѣяться такимъ шагомъ обезпечить хоть сколько-нибудь продолжительное существованіе своей династіи. Но невольные близнецы продолжаютъ оставаться накрѣпко связанными; и передъ нами развертывается, наряду съ открытой войной народа съ работодателями, еще и скрытая борьба между двумя половинами одного и того же тѣла, въ которой ихъ ждетъ одинъ, смертельный результатъ. При этомъ положеніе царя значительно хуже положенія чиновничества, которое при всякихъ условіяхъ новаго строя окажется нѣкоторое время необходимымъ и сумѣетъ приспособиться къ измѣнившимся требованіямъ времени. Царь же, независимо отъ достоинствъ своихъ или недостатковъ, отъ ума или ограниченности, какъ былъ, такъ и останется центральной фигурой борьбы, ведущейся съ обѣихъ сторонъ съ нескрываемымъ ожесточеніемъ.

Здѣсь все опасно; и даже самой жизни монарха столько же грозитъ терроръ, сколько и постоянная возможность дворцоваго переворота. Отсюда и происходитъ затаенная ненависть его къ ближайшимъ совѣтникамъ и роднымъ, умственное и душевное одиночество, — все плохое для правителя спутники. Хочется бороться. Личная политика снова выступаетъ

на сцену, но уже подпольными ходами, преломляясь въ средѣ разныхъ темныхъ дѣльцовъ, низовъ камарилы, маговъ, юродивыхъ. Общая конъюнктура усложняется помимо воли дѣйствующихъ лицъ.

Тѣмъ не менѣе, отданіе себѣ яснаго отчета въ происходящемъ продолжаетъ оставаться первою обязанностью всякаго участника затянувшейся и распостранившейся на огромномъ пространствѣ борьбы. Въ такихъ случаяхъ ориентируются прежде всего по ставкѣ главнокомандующаго, по его фигурѣ, окруженной штабомъ. И такъ какъ не пришло еще время для изложенія новѣйшей исторіи русскаго народа, ни для исторіи послѣднихъ лѣтъ жизни бюрократизма російскаго, то мы послѣдуемъ тому же правилу и попытаемся дать очеркъ только царствованія и жизни Николая II-го, послѣдняго самодержца и, быть можетъ, послѣдняго императора, называющагося Романовымъ.

Необходимое безпристрастіе диктуется намъ не только обязанностью историка, но и сознаніемъ трагизма положенія, являющагося логическимъ результатомъ дѣйствія разнородныхъ силъ, слагавшихъ типъ византійца и окружающую его среду. Въ затхлой атмосферѣ русскихъ дворцовъ легко отстаивались лишь низменные черты темпераментовъ. Показной блескъ способствовалъ образованію внутренней пустоты, обязанности правительства заслоняли назначеніе быть только первымъ слугою своего народа. Цѣлый рядъ неразлучныхъ спутниковъ жизни этого народа, нужда, безправіе, болѣзни, оставался для его правителей знакомымъ не болѣе линій спектра какой нибудь отдаленной звѣзды, гдѣ названія невѣдомыхъ газовъ ничего не говорятъ уму. Рядъ поколѣній воспитывалъ въ себѣ духовную слѣпоту, и нѣтъ мудренаго въ томъ, что, когда суровая дѣйствительность приподняла, 9-го Января 1905 года, предъ Николаемъ завѣсу, онъ не увидѣлъ за ней болѣе того, что подсказали ему окружавшіе его насильники и организаторы кровавой бани, передъ которой вареоломеевская ночь и сицилійскія вечерни были лишь дѣтскими забавами. Это

они, избранники бюрократизма, играли на струнахъ души дегенерата, поощряя лишь темные инстинкты и ограничивая добрые стѣнами дѣтской, гдѣ повелитель стомилліоннаго народа скрывался отъ поражений, наносимыхъ врагами, и праздновалъ побѣды надъ собственными подданными. Здѣсь останавливались еще потоки русской крови, переставали мерещиться страшныя гримасы повѣшенныхъ. Но тѣмъ сильнѣй не хотѣлось выходить изъ комнаты, гдѣ весело звучали дѣтскіе голоса, туда, въ рабочій кабинетъ, къ ожидавшимъ министрамъ, сыщикамъ, казнокрадамъ. Съ ними вторгалась снаружи сама жизнь, врывались струи воздуха, насыщеннаго отчаяніемъ и неправдой, наивной искренностью и застарѣлымъ приказнымъ лукавствомъ. Тутъ давались кому придется и какія угодно полномочія, лишь бы отдѣлаться какъ-нибудь отъ докуки управленія.

Поэтому то оставляли понемногу непріютныя царскія палаты всѣ сколько-нибудь чистые люди, и власть сосредоточивалась въ преступныхъ или запачканныхъ рукахъ.

Къ этой драмѣ широкой волной прилиwała и ѣдкая пошлость. Спириты и предсказатели, просто порочные люди и люди съ извращенными наклонностями, алкоголики и неисправимые лгуны, всѣ вносили въ эту странную для свѣжаго человѣка атмосферу свою долю вульгарнаго, смѣшнаго. Но теперь уже не тѣ времена, когда стѣны дворцовъ оставались непроницаемыми для непосвященныхъ. Несмотря на всѣ предосторожности, свѣдѣнія о жизни царей распространяются безъ замедленія и тѣмъ легче, что сами участники перестаютъ скрывать ея интимнѣйшія стороны. Вслѣдствіе этого читатель не встрѣтитъ ничего сенсационнаго, неизвѣстнаго, но лишь правду, не искаженную ни лицемѣріемъ придворнаго исторіографа, ни страхомъ русскаго публициста передъ цензурой. Въ нашемъ распоряженіи находилось къ тому же, слишкомъ достаточное количество провѣренныхъ данныхъ, чтобы мы могли быть увлечены на путь памфлетистовъ, вынужденныхъ довольствоваться росказнями досужныхъ придворныхъ сплетниковъ.

Мы предвидимъ, что многіе изъ называемыхъ здѣсь и еще живущихъ лицъ будутъ недовольны упоминаніемъ о нихъ, но не считаемъ возможнымъ щадить ни самолюбія, ни скромности кого бы то ни было въ трудѣ, предназначенномъ не только для удовлетворенія понятнаго любопытства современниковъ, но и для ихъ освѣдомленія.

Съ этой именно скромной цѣлью, одушевляемые прежде всего любовью къ родинѣ и далекіе отъ какихъ либо партійныхъ соображеній и оковъ, приступаемъ мы къ очерку жизни и правленія послѣдняго всероссійскаго самодержца, Николая Александровича Романова.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Бракъ Александра Александровича.—Принцесса Дагмара и Николай Александровичъ.—Отношеніе Александра II-го ко второму сыну.—Занятіе искусствами.—Уединенная жизнь.—Дѣти.—Война 1877—1878 г.г.—Рущукскій отрядъ.—Запой.—Ванновскій.—Боткинъ.—Отвращеніе къ военному дѣлу.—1-го марта 1881 г.—Крушеніе «конституціи». — Побѣдоносцевъ.—Гр. Д. Толстой.—Уходъ Лорисъ Меликова, Милютина и др. Письма къ Александру гр. Л. Толстого, Цебриковой и др.—Казни.—Перовская.—Начало реакціи.—Вліяніе общей обстановки на дѣтство Николая.

Въ понятномъ стремленіи закрѣпляютъ свои династіи, современные монархи всегда торопятся женить сыновей. Рано сосватали и Николая, сына Александра II-го.

Все улыбалось незначительной и бѣдной Дагмарѣ, взятой изъ семьи датскаго короля. И грядущее могущество, и обаятельная внѣшность, такъ-же какъ и мягкій пріятный характеръ, дѣлали цесаревича завиднѣйшимъ женихомъ Европы. Но судьба готовила уже очередной ударъ надъ человѣческимъ расчетомъ. Николай умеръ на Ривьерѣ отъ болѣзни, бывшей, какъ увѣряли, послѣдствіемъ излишествъ и дурныхъ привычекъ юношескаго возраста. Наслѣдникомъ русскаго престола становился второй сынъ, тихій, неуклюжій и мало-образованный офицеръ. Дагмару не спрашивали о томъ, нравится ли ей молодой Александръ, утѣшилась ли она послѣ потери любимаго жениха. Свадьба была справлена со всей пышностью русскаго придворнаго ритуала, и молодая чета поселилась въ Аничковскомъ дворцѣ, занимаясь искусствами, живописью и музыкой и совершая ежедневныя паломничества въ Зимній Дворецъ, резиденцію императора. Тамъ, въ долгихъ ожиданіяхъ высочайшаго выхода, проводя томительныя

минуты въ рисованьѣ на запотѣлыхъ стеклахъ оконъ, въ которыя виднѣлась прекрасная, но холодная и безлюдная площадь съ колонной, Александръ и Дагмара (отнынѣ Марія Федоровна) познали изнанку жизни и могли подружиться, равно обижаемые невниманіемъ родителей, равно чуждые всему кругу людей, близкихъ къ старому двору. Печальная судьба жены Александра II—быть свидѣтельницей всѣхъ любовныхъ похощеній мужа, миновала за то Марію Федоровну,—будущій императоръ былъ относительно вѣрнымъ супругомъ и добрымъ семьяниномъ. Появившіеся на свѣтъ дѣти, слѣдовавшіе одинъ за другимъ съ истинно-буржуазной торопливостью, еще сильнѣй сплотили союзъ, заключенный безъ спроса, и эта удача должна была поддерживать раздраженіе въ старѣвшемъ отцѣ, въ лицѣ Юрьевской-Долгорукой обрѣтшемъ далеко не спокойную спутницу жизни. Словомъ, семьи царя и его старшаго сына жили врозь, и когда началась русско-турецкая война 1877—1878 г.г., наслѣдникъ былъ назначенъ командовать такимъ отрядомъ, какой можно было дать только совершенно чужому, нелюбимому и завѣдомо неспособному человѣку. Имѣя въ распоряженіи корпусъ незначительной силы, но обязанный отвлекать на себя вниманіе четырехъ крѣпостей, изъ которыхъ каждая, особенно Рущукъ, способна была раздавить заброшенный безъ помощи отрядъ Александра Александровича, наслѣдникъ долженъ былъ сильно тосковать. Вдобавокъ ко всему, его представленія къ наградамъ офицеровъ отряда оставлялись безъ движенія, и главнокомандующій великій князь Николай Николаевичъ, имя котораго исторія тѣсно связываетъ съ царившими въ арміи хищеніями и развратомъ, совершенно игнорировалъ человѣка, который не сегодня, завтра могъ стать его повелителемъ. Окруженный бездарными, но честными офицерами штаба, которымъ начальствовалъ ген. П. С. Ванновскій, человѣкъ безъ всякаго образованія, Александръ и въ чисто боевомъ отношеніи обреченъ былъ на волю судьбы, продолжавшей, впрочемъ, беречь его для русской реакціи.

Турки считали отрядъ уже потому сильнымъ, что знали, кто стоитъ во главѣ его и сидѣли себѣ покойно за крѣпкими брустверами. Въ отрядѣ продолжали волноваться за свою участь, а его командиръ топилъ въ винѣ свои житейскія и военныя незадачи, искусственно создавая туманъ, скрывавшій отъ умственного взора милую семью, уютные покои дворца и нѣсколькихъ близкихъ людей, которыхъ, къ слову сказать, Александръ Александровичъ такъ никогда и не научился выбирать. Злоупотребленіе алкоголемъ, къ чему должно было быть предрасположеніе, доходило до настоящихъ періодовъ запоя, отъ котораго вылечилъ впоследствии наслѣдника С. П. Боткинъ. Мало мудренаго, что въ такой неприглядной обстановкѣ воспиталось и то отвращеніе Александра къ военному ремеслу, которое рѣзко отличало его отъ предковъ, сдѣлавшихъ изъ солдатчины какъ бы предметъ культа.

Все, однако кончается;—кончилась позорнымъ для Россіи берлинскимъ трактатомъ и русско-турецкая война. Всѣ вернулись къ своимъ дѣламъ, въ томъ числѣ и группа террористовъ, подготавливавшая царевубійство. Какъ и раньше, война оказалась неудачнымъ для насъ экзаменомъ. Недовольство миромъ и внутренними безпорядками питалось еще и пропагандой революціонныхъ идей, бороться съ которыми правительство могло только штыками и пушками. Но такъ какъ не было подходящей для нихъ цѣли въ видѣ массовыхъ выступленій, то обычныя мѣры охраны оказались недостаточными, и 1-го марта 1881 года Александръ II былъ убитъ. Этотъ актъ глубоко всколыхнул общество и народъ. За убитымъ государемъ числились слишкомъ выдающіяся заслуги, чтобы смерть его прошла безъ рефлекса со стороны населенія. А такимъ рефлексомъ могло быть только желаніе реакціи. Не нужно было быть проницательнымъ политикомъ, чтобы угадать общественное настроеніе и использовать его въ своихъ цѣляхъ и выгодахъ. Положеніе чиновничества облегчалось тѣмъ, во-первыхъ, что народныя массы чтили Александра II-го, какъ своего освобо-

дителя отъ крѣпостнаго гнета; затѣмъ и лучшая часть русской интеллигенціи, прикосновенная къ великимъ реформамъ шестидесятихъ годовъ, негодовала на актъ, который долженъ былъ во всякомъ случаѣ замедлить осуществленіе ея идеаловъ. Наконецъ, и это для бюрократіи было всего пріятнѣй: революціонеры были малочисленны, бѣдны и разбросаны по странѣ и европейскимъ центрамъ небольшими группами. Характерно для русскаго режима, что уже и въ то время увѣренность въ планомѣрной провокаціи со стороны правительства была настолько распространена, что одновременно съ убійствомъ царя возникла легенда о томъ, что убили его противники конституціи, а террористы были лишь орудіями въ рукахъ стараго правительства.

Правда, императоръ былъ убитъ всего за нѣсколько часовъ до ожидавшейся санкціи манифеста, обѣщавшаго народу нѣкоторое подобіе представительнаго строя. Но люди, стоявшіе въ то время во главѣ правленія, обладали достаточной силой, чтобы предотвратить заговоръ въ собственной средѣ, если бы таковой образовался. Какъ бы то ни было, цареубійство окрыляло надежды реакціонеровъ, и стараніями Побѣдоносцева, гр. Толстого и другихъ, манифестъ, который новый царь готовъ былъ уже подписать, не былъ выпущенъ. Побѣдоносцевъ произнесъ въ совѣтѣ, обсуждавшемъ этотъ вопросъ, рѣчь, которая поражаетъ своимъ лицемѣріемъ, ложью, грубостью ораторскихъ пріемовъ. Но въ обстановкѣ того времени слова умнаго, безпринципнаго и безчестнаго бюрократа пали на благодарную почву необразованности и нерасположенія къ конституціи гвардейскаго генерала, какимъ оставался царь; и одновременно съ обращеніемъ его къ народу, трактовавшимъ о всемѣрной поддержкѣ самодержавія, ушли въ отставку всѣ сколько-нибудь выдававшіеся члены прежняго правительства: гр. Лорисъ-Меликовъ, Милютинъ и др.

Въ то же время участниковъ убійства ожидали висѣлицы. Напрасно обращались къ императору съ просьбами не начинать царствованія убіеніемъ под-

данныхъ. Ни глубоко трогательное письмо гр. Л. Н. Толстого, ни умѣренные предложенія извѣстной политической и общественной дѣятельницы Цебриковой, ни превосходное письмо самихъ революціонеровъ, не могли поколебать воли царя, уже прочно связаннаго по рукамъ и ногамъ кликой реакціонеровъ. Въ свое время всѣ подсудимые, которыхъ обвинялъ ради карьеры талантливый, но глубоко испорченный прокуроръ Н. Муравьевъ, были повѣшены на глазахъ народа. Въ ихъ числѣ погибла и первая русская женщина, приговоренная къ смерти, Софья Перовская. Впослѣдствіи мы увидимъ на перекладинахъ висѣлицъ цѣлыя гроздыя женскихъ труповъ, но въ то время казнь Перовской произвела безвыгодное для ея инициаторовъ и сильное впечатлѣніе.

Благодаря измѣнамъ отдѣльныхъ членовъ партіи, большая часть активныхъ революціонеровъ была въ короткое время переловлена, судима и казнена. Остальные отправились въ рудники и тюрьмы Сибири, гдѣ иныхъ засталъ еще въ живыхъ О'Кеннанъ, давшій потомъ превосходную и безпристрастную картину этой юдоли отчаянія въ своей извѣстной книгѣ «Сибирь и ссылка».

Внутри страны происходила тѣмъ временемъ радикальная чистка въ рядахъ администраціи. Все ненадежное устранялось. Учреждены были Генераль-Губернаторства съ опредѣленной цѣлью—давленія на всю жизнь, заглушенія всякихъ попытокъ къ общественной организаціи. Воцарились взаимное недовѣріе, подозрительность, угрюмое молчаніе. Обыватели, потревоженные въ своихъ гнѣздахъ бурными событіями послѣднихъ лѣтъ, войной, смутой и казнями, снова разбрелись по своимъ мѣстамъ, отдаваясь мелкимъ интересамъ.

Одновременно съ манифестомъ, начинавшимся не совсѣмъ удачной фразой объ убійствѣ отца—«часъ воли божіей свершился»,—(что дѣлало изъ убійцъ какъ бы слѣпое орудіе божественнаго промысла), наслѣдникомъ престола былъ объявленъ старшій сынъ императора, Николай Александровичъ. Въ эту

важную и, можно сказать, роковую минуту своей жизни, Николай былъ двѣнадцатилѣтнимъ, довольно тщедушнымъ и некрасивымъ мальчикомъ; недостаточно большимъ, чтобы осмыслить совершившееся вокругъ, но и не такимъ ребенкомъ, чтобы не реагировать на окружавшую его обстановку. Первымъ сильнымъ впечатлѣніемъ его юности оказывались, такимъ образомъ, кровавыя страницы русской исторіи, и будущій царь вступалъ въ сознательную жизнь подѣлѣмъ именно краснымъ знакомъ, который преслѣдовалъ его затѣмъ во всѣхъ отвѣтственныхъ и важныхъ случаяхъ жизни. Но тогда никто не задумывался надъ судьбой мальчика, въ простой матроской курткѣ, съ худенькой шеей и красивыми, отъ матери унаслѣдованными глазами. Общее вниманіе сосредоточивалось на мобилизаціи вокругъ новаго царя всѣхъ силъ, способныхъ подкрѣпить пошатнувшійся было принципъ самодержавія, всегда бывшій только синонимомъ чиновничьяго абсолютизма.

Что касается до самого царя, то онъ видимо тяготился выпавшей на его долю обязанностью быть всегда на виду и въ центрѣ правленія. Даже самый Петербургъ былъ противенъ по воспоминаніямъ, страшилъ своими широкими проспектами и пустынными площадями, гдѣ такъ часто упражнялись въ охотѣ за царями эти неуловимые и непріятные люди, революціонеры. Кончилось тѣмъ, что дворъ перебрался на постоянное пребываніе въ Гатчину.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Опять Гатчина.— На антресоляхъ.— Общій тонъ жизни.— Семейныя добродѣтели.— Воспитаніе и образованіе дѣтей.— Англичанинъ.— Спортъ.— Живопись.— Характеры и наклонности трехъ братьевъ.— Игра въ блоху.— Англійскій языкъ вмѣсто родного. Пріятныя стороны въ характерѣ Александра III-го.— Его любовь къ Мишѣ.— Случай въ с. Ильинскомъ.— Генералъ Даниловичъ.

Гатчина еще со времени Павла 1-го сохраняетъ отпечатокъ казарменности. Все сѣро, скучно. За вѣшной чистотой прямыхъ улицъ, за пышной зеленью огромнаго парка, за высокими деревянными частоколами, всюду скрывается невыносимая холодная пустота, отсутствіе жизни. Въ кристальныя воды тихихъ гатчинскихъ прудовъ смотрятся лишь молчаливые лебеди, и такія же молчаливыя фигуры дворцовой стражи бродятъ по ихъ берегамъ и дорожкамъ звѣринца. Настоящее мѣсто для почетной ссылки какого нибудь свергнутаго самодержца. И вотъ сюда то добровольно сослалъ себя и семью свою Александръ III, который однако и самъ не зналъ, что дѣлать со своимъ самодержавіемъ. Это былъ просто испуганный человѣкъ, которому охотно внушали мысль объ уединеніи, какъ средствѣ сохранить себя отъ бомбы или пули террориста.

Та же боязнь, стремленіе замкнуть тѣснѣе вокругъ своего тѣла обычно огромные пустыри дворцовыхъ комнатъ заставила Александра избрать для постоянного своего пребыванія не парадные покои, а нѣчто вродѣ антресолей, гдѣ въ Павловы годы гнѣздилась, вѣроятно, лишь придворная челядь. Человѣкъ средняго роста легко доставалъ тамъ рукою до потолка, а царь былъ высокъ, тученъ и любилъ воздухъ.

Крохотныя комнаты не вмѣщали въ себя не только громоздкой дворцовой мебелировки, но даже рояля негдѣ было поставить, и Марья Федоровна музицировала на обыкновенномъ піанино. Мѣщанскія кресла и кушетки стояли въ мѣщанскомъ же порядкѣ вдоль стѣнъ, на которыхъ чередовались картины новой и старой школъ въ перемежку съ фотографіями, прикрѣпленными кнопками къ простымъ, скромнымъ обоямъ.

Какъ всегда, обстановка внѣшняя накладывала свою печать и на внутренній строй жизни семьи. Здѣсь дни протекали не какъ въ центрѣ страшной по размѣрамъ власти, гдѣ вершились судьбы стомилліоннаго народа, а какъ въ помѣщицкѣй усадьбѣ сороковыхъ годовъ, въ ограниченномъ кругу домашнихъ и хозяйственныхъ интересовъ. И очередные наѣзды министровъ бывали не развлеченіемъ даже, а докукой жизни, походившей на сонный прудъ, слегка подернутый живописной, но вредной плѣсенью.

Семейныя добродѣтели Александра, какъ нельзя болѣе, гармонировали съ такимъ укладомъ жизни. Нужно отдать справедливость, что дѣтскіе годы Николая и его братьевъ протекали, благодаря этому, внѣ сферы любовныхъ дразгъ, наполняющихъ обыкновенно царскіе дворцы. Здѣсь можно было дать дѣтямъ должное образованіе и воспитаніе, но эта единственная хорошая сторона царскаго отшельничества не была, да и не могла быть использована, какъ слѣдуетъ. Человѣкъ безъ серьезнаго образованія, немножко ослабленный алкоголемъ и тяжелыми впечатлѣніями прежней жизни, Александръ едва ли отдавалъ себѣ отчетъ въ необходимости для наследника престола тѣхъ знаній, отсутствіе которыхъ у него самого никто ему не давалъ понять. Только любовь къ дѣтямъ заставляла искать имъ воспитателей, за нейтральность и доброту которыхъ можно было бы быть покойнымъ. Та же картина наблюдалась въ старые годы въ среднихъ дворянскихъ семьяхъ Россіи: скверные случайные учителя и хорошія, честныя и привязанныя няньки.

с.у.к

НИКОЛАЙ II

ПОСЛѢДНІЙ САМОДЕРЖЕЦЪ.

ОЧЕРКИ ЖИЗНИ И ЦАРСТВОВАНІЯ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ТРУДЪ, ИЗДАННЫИ ЗАГРАНИЦЕЙ,
обнимающій царствованіе НИКОЛАЯ II,

будетъ выходить отдѣльными выпусками два раза въ недѣлю.

 Продается въ книжныхъ магазинахъ Т-ва И. Д. Сытина (Невскій просп., домъ 68) и бывш. Попова (М. А. Яснаго) Невскій просп., 66. У газетчиковъ, на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ, въ типографіи на Николаевской ул., д. 66.

Цѣна каждаго выпуска 50 коп.

Подписная цѣна на всѣ выпуски (40—50) съ доставкой 20 р.

Подписка принимается: Николаевская улица, д. № 66 въ типографіи *М. К. Брейтмана*. Тел. 198-22; 563-05.

Въ книжномъ магазинѣ Т-ва И. Д. Сытина
(Невскій просп., д. 68—40) Тел. 97-28.

Бывш. Попова (М. А. Яснаго) Невскій просп., д. 66.
Телефонъ № 85-27.

2.

